Н. ДИМЧЕВСКИЙ.

СБОРНИК. 1

СТИХИ

1942-1944

(огласке не подлежит)

Видения.

Мне не спалось. В воздухе реяли
сотни видений.
В голову лезли они, в уныние меня
повергая.
Над изголовьем вились рои приве-
дений
Дьяволы гнали их, ртами огонь
изрыгая.
В тьме из тумана плыли, пропадая
картины мучений
Столетьем казалось мгновение
ока
Волна тумана промыла весь мрак
поколений
В голову мне по магической
прихоти рока.
Вот земной шар завертелся в
дому вековых испарений
Маре ефиал козу с него бойн
зарнавевшим кинжалом,

В прах обращая миллионы селений,
Людей поражая змеи окровавленным жалом.
Чья-то косматая лапа нашу планету схватила,
Бросила в тьму ее, тут же исчезнув в тумане.
Вечность планету тотчас поглотила...
Исчезло вдруг все в кровавой панораме.

42

Осень.

Волны осени мчат надо мною,
Сыплят листьями, в кучах шумят.
И вдали посеревшей стеною
Леса русские грустно стоят.

42

* * *

Когда я умирал, ты ночи проводила
Над изголовием моим,
Во мне надежду ты будила,
И ужасалась над больным.
Когда в горячем полумраке
И остов страшный различал,
Когда дрожал в невольном страхе,
В бреду метался и кричал,

Ты успокаивать старалась
Меня в те мрачные часы,
Когда меня почти касалось
Железо тусклое косы...

Как облегченно ты вздохнула,
Когда болезнь я победил,
Как будто солнце проглянуло
И луч тебя омолодил.
Тяжелою была победа-
Далась ~~тяжелою~~ легкою ценой
И боли страшные изведал,
Теперь они всегда со мной.
Людей я стал остерегаться
Бежал от слов и взглядов их-
Они хотели посмеяться
Над неудачами других,
Иль сожалели с кислой миной
Мой чудовищной судьбе,
Иль, опутая липкой тиной,
Внушали мерзкое мне.
И часто, жизнью недовольный,
Я озадачен был одним:
Зачем ты ночи проводила
Над изголовием моим?

4.4.43.

14 Лорелей. /из Гейне./

Объяснить себе не умею,
Почему так печален я
Старинная сказка про фею
Преследует всюду меня.

Воздух прохладен, Темнеет.
Рейн спокойно течет
Гор вершины синеют
Пар в долинах плывет

Сидит прекрасная фея
На прибрежной скале.
Златое блестит ожерелье,
Искрится в бегущей волне.

Кудри чудесные гребнем
Расчесывать любит она
Сильным, чарующим пеньем,
Жизнью и негой полна.

Гребец, на лодке плывущий
Глубокой охвачен тоской
Не слышит стремнины ревущей,
Увидевши дух неземной.

В сладком забвении млея,
В омут бросается к ней...
Вот что песней своею
Сделала Лорелей.

Слава

Мне кажется порой,
Что слава где-то витает надо мной
И стоит лишь схватить ее за крылья,
Как в миг вознаградятся все усилья.
Я в сладком забытьи секунды
нахожусь,
Зато потом часа вздыхаю, иль
И слава где-то меня не манит — меньше.
Тогда ее страшусь, мне жуток
дикий взлет
Из пропасти на ледники и кручи,
Где надо всем царит могущественный случай.
Или решу, что слава — „суета сует",
Что в ней нуждается лишь наш
тщеславный свет,
Что люди славы-жалкие лакеи
Приемлют всем и вьются
точно змеи,
В надежде угодить народу, иль
Тогда над славой я так едко
хохочу!

* * *

Что было – пролетело
Того уж не вернуть
Ни хитростью, ни делом
Не сдержишь время путь.
Мечтанья – пепел серый
Рассыпались, как прах
Хоть с нами наша вера,
Но избежали нас Вакх
Надежды? что надежды....
Их нечего питать
Лишь глупые невежды
Им могут доверять.
Прошедшее вернуться
К нам может лишь во сне
И с ним лишь встрепенуться
Все замыслы во мне.
А будущее – темень
Нельзя и описать,
Что в будущее время
Тобой будет играть.

(1942.)

ЕВРЕЙ. 12

Улыбкою радостью лицо его сияло,
Когда по улице он шел и что-то напевал,
И мысленно уж счастье предвкушал,
Но за углом его несчастье ждало:
Вдруг из окна головка показалась
И громко прощебетала: „Поскорей
Смотрите! вон идет еврей!"
И громко, точно в цирке рассмеялось.

43.

13

Подражание Беранже.
(обращение)

Эй, умники святые,
Ученые кроты,
Чего скривили рты?
Как куклы восковые?
Я чему, бумагоеды,
Презрели вы обеды
И болтовню друзей?
Уж лучше дайте вам книги
Подобные вериги
Скидайте поскорей!
Входите в круг веселья –
В огонь перо, тетрадь!
Мы будем изучать
На практике, похмелье.
Давай портвейн, портеры,
Наливки и ликеры!
Чтоб было веселей.
Неси сюда, ковриги,
А книжные вериги
Скидайте поскорей!
Что там скрипит с сопеньем
И зябнет над письмом
Облей его вином
И хохочи над бденьем!

Тащи его к купилам,
Он будет гостем милым.
Вино в бокалы лей!
Неси: селедки, сыры,
А книжные вериги
Скидайте поскорей!

1942.

Наглое

Хорошо мне
Смеяться над вами!
Видеть как
Вы, полные никчемной печали
В трагедию лепите пустяк.
Боже, до чего приятно
Сирлять улыбку в будущие усы,
Увидев, как заботливо и опрятно
Живот взлелеял пацык.
Знай же, тупейшая свиная рожа
Смешна ты
Безмозглая, черт знает на что похожа,
Лоснящаяся, как башмак от вакса,
Твое рыло, отягченное сверх пломбиром –
Брошу, кратко: „Ха!" –
Волнуйся, негодуй, захлебываясь
Знай: я – нахал!

1942.

V

Фантастична вечера картина
Луч последний огненным столбом
Кровью окропляет все кругом
И зияет пропастью долина.

Облака одели небосвод
В пышно-пенистое одеянье.
Солнца догоравшего сиянье
Еще звезд скрывало хоровод.

От реки уже летят туманы.
Вся затихло - тишина покой.
Изредка над дремлющей землей
Пронесутся вечера обманы
И затихнут в глубине лесной.

1942.

Философическое

Превознесусь над суетой мирскою
Пегаса оседлав поэзии крылатый мир,
Чтоб посетить богов священный пир
И насладиться неба красотою

О чудо! чуть перо коснулося бумаги
Природа тайны мне поведала свои
В туманах звезд, и в пробеске зари,
В цветке, былинке, поле и овраге
Открылись силы мне, что недоступно вам.
Мне новые миры, вселенные открылись
И бездны вечности сиянием осветились,
И все я понял, вопреки годам.
Я видел колоссов при страшном столкновеньи,
Я наблюдал рождение планет
И грозных смерть комет,
Я созерцал в волненьи.
С планет иных живые вот создались

Проходят предо мной безмолвною толпой
И вьется след их чуть заметною тропой
Меж гробами эпох, обломков мироздания.
Там мертвые миры с погасшим светилом,
Летящие стремглав неведомо куда,
Здесь грозные, бессильные года
Хоронят жизнь под океанским илом.
Там остров огненный в планету обратился
И снова начался круговорот
Галактик страшно-грандиозной свод
Еще одной жемчужиной обогатился.
Великих тайн мне не под силу
Лишь миг еще и ляжет черен братья мой
Скорей, природа-мать, смешай
Меня с землей
В галоп пусти коня, шальное время!

1942

Почему?

Почему в лесу так тихо?
Почему здесь бури нет?
Только легкие снежинки совершают свой полет,
Только в мягкие сугробы
С сучьев иней упадет,
Да из дальней дровосеки воздух звуки принесет..
Я стою и удивляюсь: почему же бури нет?
Разве мало, что мой разум в гром и молнию одет?
Почему же снег не тает от душевного огня?
Почему все те же сосны, те же кусты вокруг меня?

1943.

Раздумье

Пыль земли под моими ногами.
Звездная пыль над моей головой.
Может быть равно они, ~~все~~ может быть равно-ничтожны?
Может быть глуп я: понять не могу
Меня законов природы,
Что звезды завтра же в тусклую пыль обратятся
И кто-то, будет раздумывать так же, как я,
Стоя над звездною бездной...

1943.

В.А. Гончарову посвящаю.

Будущее.

Огонь над пропастью блестит
На грани двух миров.
Он вьется вверх, то вниз летит,
То в пламя птицу обратит,
То в сны мирной кров.

В испуге люди убегут
Безумье в их глазах.
И только я останусь тут:
Як страшно мне, что кровли жгут,
Что реет смерти стяг.

И огню неведомой тропой
Я брошусь сквозь туман
И пламень я зажгу другой,
И вечану твердою ногой
В тот мир без слез и ран.

Я из огня построю мост,
Я крикну беглецов.
Они поймут, что план мой прост,
Но перейти дорогой звезд
Не сыщешь храбрецов.

1943.

Ночь.

Взметнула ночь свой черный плащ
над миром,
Волшебным енам дорогу указав,
Экраны небо грозными сюжетов
И привидений из могил призвав.
И воздух тих, в нем не дрожит ни
звука
Деревьев призраки торжественно
стоят
И кажется, что горькая разлука
Заставила надеть их траурный
наряд.

1943.

Подражание Гейне.

Я шел мимо кладбища в полночь,
Я слышал тяжелые вздохи –
То сосны плакали горько,
Склонившись на старые сохи.

Скелеты унылых клячонок
Плелись, спотыкаясь о пни
И сохи взрывали могилы,
Где ~~старые~~ черепные кости зарыты.

И те поднимались с проклятьем,
И в шествие вяло вступали,
И знаками звали отставших,
И что-то знакомым кричали.

Но скрылись они за горою.
Туман опустился на землю.
Ураганный вдруг скрежет раздался
И звуками я в ужасе внемлю:

Шагая по бороздам важно,
Окутана в саван туманом
Шла смерть по разрытым могилам
И семя черепа в ямы.

Засеяна страшная пашня;
Холмами покрылася нива;
Кресть вырастают и зреют,
А смерть отдыхает лениво.

Я в ужасе бросился наземь-
Хотел позабыть о прошедшем...
И утром нашли меня люди
И звали с тех пор сумасшедшим.

1943.

* * *

День

Я лежу ленивым крабом
На лужайке между сосен.
Рядом шепчутся березы
И ручей течет, звеня.
Как вино вода густая
Опьяняет руки корней
В ней, как волосы русалки
Водоросли разрослись

Плющ опутал мои ноги,
Хмель обвился вокруг шеи,
Солнце шпагой золотою
Прокололо тело мне
Не могу с земли подняться,
Не могу уйти в селенье
И зачем? Я пьян природой:
Сил не хватит добрости!

1943.

* * *

Запад

В замках прекрасных хрупкие люди
Слушают звуки и звуком живут
Вихри симфоний и нежность прелюдий
Вместе со вздохами пьют и пьют.

Звуки дрожат, пропадают и гаснут,
Снова родятся, в веселье летят...
Люди же грустны-веселье напрасно
Сердцу их нужны-все грусти хотят

В музыке, в звуках печальных и вялых
Слышится сладкий настойчивый зов
Зов наслаждений последних кровавых
Тихих, как шепот, доверчивых слов.

Люди стремятся друг к другу в объятья-
Жизни им хочется, бодрости, сил...
Видят на каждом природы проклятье,
Чувствуют смерть и дыханье могил.

1943

Последнее. (Солдату)

Созвездья дрожат от немого вопроса,
Покрылся огнем горизонт.
Проходят составы, грохочут колеса:
„На запад, на запад, на фронт!"

Солдат молодой, не смотри на равнины
Забудься под грохот колес
И пусть тебе снятся родные картины
Без дыма, страданий и слез

Последние сны и последние думы
Пусть будут как бабочек рой
Пусть их не тревожат ни вопли, ни шумы,
Рожденные ~~такой~~ страшной войной.

Зачем вспоминать о плохом, неприятном
В последнем чудеснейшем сне?
Пусть грохот бормочет о чем-то невнятном—
Ты в снах вспомнишь о весне.

Не надо, не думай о смерти грядущей
Догадок ненужных не строй
И будешь стоять над могилою жнущей
Без страха — обычный, простой.

О чем сожалеть? Ты родился во время,
Когда без войны не живут
И каждое, только проросшее семя
Срывают и топчут, и жгут.

Созвездья дрожат от немого вопроса,
Покрылся огнем горизонт.
Проходят составы, грохочут колеса:
„На запад, на запад на фронт!..."

1943.

Война

Звезды украсили небо ночное,
Ночи цветы на земле расцветились,
А города умирали от зноя.
Головы улиц в агонии бились.

Звезды покинули гнезда созвездий
Реяли в небе, как знамя кометы,
Пели о часе грядущих возмездий....
Это не звезды — зигзаги ракеты.

Ночи тюльпаны цветут лишь мгновенье
Люди вдыхают не запах приятный.
Огненный смерч тех цветов дуновенье
Шепот их листьев как грохот невнятный.

Хмурится поле морщинами глины.
Люди в морщинах спешат, зарываясь,
Смотрят сквозь щели, как гибнут долины,
В пурпурный пепел и дым одеваясь

Люди боятся. Дракон ядовитый
Каждого хочет похоронить, распоровши,
Хочет увидеть, как кровью облитый,
Мир захлебнется в убийственном марше.

Жалом штыка и разрывом снаряда
Тянут неустанно смоченную сетку,
Чтоб, не пугаясь смертельного взгляда
Бросить дракона в железную клетку.

(1.8.43.)

[7.8.43]

Когда солнце пропадает
В дымном западном огне,
Когда ветер утихает,
Когда поле засыпает
И в пруду на черном дне
Звезды искрятся в волне

Я ищу кого-то рядом,
Хотя знаю: не найду
И бросаю долгим взглядом
По таинственным нарядам,
По деревьям, что в саду
Шепчут листьями в бреду.

Москва на подножке.

За рекою дымной,
В вышине пустынной
Мечется закат
И в пурпурном свете,
Рвя пространства сети,
Поезда летят.
На подножке цепко —
На затылке кепка;
Долог трудный путь!
Мы летим сквозь ветры,
Мчатся километры,
Бьется воздух в грудь.

Нас война послала
За пшеном и салом,
Голод дал билет.

В вихре черной пыли
Криком страшной были
Оставляем след.

Помним, что за каждым
Смерть бежала дважды
В злобе и крови —

Потому мы рады,
Разгробив преграды,
Видеть, как вдали

За рекою дымной,
В вышине пустынной
Мечется закат

И в пурпурном свете,
Рвя пространства сети
Боезда летят.

/15.8.43. Шиловo./

* * *

Осень.

Видишь, как солнце уходит
В блеске отцветших мучей?
Пламя чадящих свечей
Дробит осенний ручей.
Кто-то под дождиком бродит...

Знаю, что лето ушло.
Скоро метели и вьюги —
Ночи скучающей слуги,
Будут мне петь о бодрце,
Стоном наполнив село.

Будут смеяться и петь:
"Видите, города житель
Спрятался в нашу обитель!
Шумных театров любитель
Будет на вьюгу смотреть!"...

/16.8.43. Шиловo./

Поход.

Наш путь освещали зарницы.
Мы шли каменистой тропой.
Кричали испуганно птицы,
Гремел под обрывом прибой.

За нами — родные селенья
Остались в тумане ночном...
И бури зловещее пенье
Глушил нарастающий гром.

А там, где кончалась дорога
Нас ждали в окопах враги...
Под голос походного рога
Прощально стучали шаги.

Мы знали, что нам не вернуться,
Что смерть за соседней горой,
Что слезы у матери льются
И плещет холодный прибой.

За сына, за младшего брата
Мы жизни положим в костер.
Пусть смерть молодого солдата
Спасет матерей и сестер!

Наш путь освещали зарницы.
Мы шли каменистой тропой.
Кричали испуганно птицы,
Гремел под обрывом прибой.

/26.8.43/

Осенний мотив

Ветер осенний стонал,
Листья летели, катились;
Клен многолетний ворчал;
Черные птицы кружились...

Лето прошло, точно час —
Стоит ли петь сожаленья?
Не было счастья у нас —
Радости нет и мгновенья.

Так же, как лист пролетит
Время войны и страданий,
Так же, как клен, прошумит
Море легенд и преданий.

Новые люди придут,
Новые вырастут травы.
Старые листья сгниют
В глине осенней дубравы...

13.9.43.

Пришелец

Улицей города темного
Брел я в ночной тишине.
Образы, мысли пройденного
Снова склонялись ко мне

Там, где витрины закрытые,
С окон, где ночь залегла
Тени, простые, забытые
Мне навевали слова.

Синие лампы качались,
Люди спешили... куда?...
Наши глаза не встречались —
Взгляды похитила мгла.

Тайну движений и шопота
Сам разгадать я не смог,
Слышал лишь отзвуки ропота
„Ты одинок, одинок..."

* * * 11.10.43. Москва.

Отец
Он лежал у разбитой березы
На сожженой орловской земле
Бездыханен. Кровавые грозы
Бушевали в смутившейся мгле.

Грохотали орудья и танки,
Проносились осколки, картечь....
А на тихом лесном полустанке
Лишь о нем и мечтанья, и речь

Когда мать приходила с работы
Сыновьям говорила о нем.
Забывала усталость, заботы
И глаза загорались огнем.

На зорях поезда проезжали,
Мать с надеждой смотрела на дверь
И малютки друг другу шептали:
„Это папка приехал теперь"

Им казалось, что дверь отворилась

И отец покажется в дверях...
Часто, радостно сердце забилось.
Ветер вьюг и скучаемся в сенях...

Бесперерывно гудят паровозы,
Но отца не привозят семье:
Он лежит у разбитой березы
На сожженой орловской земле...

29.9.43. Мосоловo.

Первые мысли о городе.

Я пришел из переулков темных,
С длинных улиц, залитых луной,
От людей усталых, обойденных,
Позабывших отдых и покой.

Я не знал, что буду вместе с ними
Проходить по улицам, спешить
И тянуть в холодном зимнем доме
Серых дней навязчивую нить

Я не знал, что будет радость, видеть
Желтых ламп янтарные огни.
Я не мог ни думать, ни предвидеть,
Что придется проходить в тени...

Что придется радоваться хлебу...
(Пальным коркам, черным и сухим),
Что пошлет поклон старушка небу
За плывущий темный, синий дым.

Что, устав от беготни и шума,
Я приду и вспомню о былом.

Прилетит из мрака сказка, дума,
Тени дней наполнят старый дом...

И проходит старое за дымкой
Тусклых пятен желтых фонарей—
Прилетают мысли невидимкой
Из лесов, оврагов и полей.

В тьме ночей я часто вспоминаю
Дальних рощ увядшую листву,
Синий клин реки, избушку с краю,
Грязный тракт, телегу на мосту.

Вспоминаю тихие просторы
И себе стараюсь объяснить,
Как я мог на улицу и споры
Шепот трав и мирь полей сменить?

Кто позвал? Кому? Зачем я нужен?
Я не знаю... Привела мечта,
Я пришел и вот теперь загружен
Странной думой с утра до утра...

19-27.10.43. Москва.

Ноябрь 1943 г.

По старым милым улицам пройдем
В последний раз, друзья.
Последний раз увидим дом,
Где мать жила, семья...

Где вместе детство провели

Куда пришла война.
Откуда радости ушли,
Ушли, как тени сна.

Идем, друзья, в осенний снег,
В сырой ночной туман.
Поверим — не схоронит всех
Смертельный океан.

Ведь кто-нибудь придет назад,
Окончив трудный бой.
Он вспомнит осень и ребят,
Весь „год двадцать шестой"

И те, кто там, в ночной дали
Остались навсегда
В его сознании пришли
К родным, в свои дома.

Старый вальс.

Старый вальс пролетевшего времени,
Он принес шум листвы молодой
И напевы ушедшего племени,
Отшумевшего вместе с весной.
Старый вальс отлетевшего времени...

Сколько образов, тихих и радостных
Пролетело в звучащей волне
И развеяло скопища тягостных
Мыслей, бытия, как в радостном сне.

Сколько образов, тихих и радостных.

Мир принес этот вальс убегающий,
Тихий сумрак ушедших ночей,
Старый город, огнями сверкающий,
Смех и песни веселых друзей.
Мир принес этот вальс убегающий.

Летний вечер и липы под окнами,
Теплый ветер ушедшего дня
И дома с золотистыми стеклами,
С трепетаньем зари и огня.
Летний вечер и липы под окнами.

Старый вальс... он принес облегчение
И надежду, что время придет,
Станет былью ночное видение
И заря золотая взойдет.
Старый вальс, он принес облегчение.

Да, я верю, что звук убегающий
Только правду из ночи принес,
Тихий вечер, цветок расцветающий,
Свежесть новых, серебряных рос
Верю я в этот звук убегающий.

Скрипки пели не вальс, а пророчество,
Мир и солнце в грядущей заре,
Песни юных и радости творчества,
Гибель смерти в ушедшей войне
Скрипки пели не вальс, а пророчество.

30.1.44.

ВЕСНА.

В сером мокром снеге,
И бездонных лужах,
В громе синих улиц
Плавает весна.
Я брожу в тумане,
Позабыв о стужах —
Грудь весенним шумом,
Радостью полна.
Путь звенят сосульки,
Каплями стекая
На асфальт блестящий,
На дырявый снег.
Путь шумят машины
Брызгами сверкая,
Среди луж весенних
Направляя бег.
Радость новой жизни
Ветряной струёю,
Рвётся с мокрых улиц
В гомоне весны.
А по тротуарам
Зимнею водою
Утекают в реку
Грязь войны.

/6.2.44./

* * *

Я люблю широких улиц
Развевающийся грохот,
Шум моторов, брызги света
И толпы весёлый хохот.

Блеск витрин, набитых пищей,
Льдом стекла и пестрой тканью,
Звуки джаза и пивные
С пьяным звоном, с грубой бранью.

И теперь, когда все сѣро,
Только вѣтер, снег, да холод,
Да гуляет по бульварам
Зимний гость, военный голод,

Я брожу под снежной вьюгой
А в мечтах все тот же грохот,
Шум моторов, брызги света
И толпы весёлый хохот.

20.2.44.

Бродяги.

В бездонных лужах огонь дробится,
Холодный ветер принес весну.
Мы бродим ночью. Бродягам снится
Любовь и радость. Мы верим сну.

В людских фигурах, в тумане спящих
Друзей мы видим и ласку ждём.
С надеждой в сердце среди чужих,
С весенней грустью во тьму идём.

Бродяги знают, что вслед им бросят
Весенним ветром весёлый взгляд,
Но им не крикнут, о них не спросят,
Не возвратятся для них назад.

Пускай не крикнут, пускай не спросят –
Бродягам ветер милее слов –
Им ветер ласку с полей приносит,
Со всех тропинок, со всех лесов.

Мы любим землю, где бродят вёсны,
Мы любим руки больших дорог,
Леса и реки, кусты и сосны,
Пригорок каждый и каждый стог.

Весёлым ветром земля нас встретит,
Безмолвной ширью своих полей.
Бродягам песней весна ответит,
Прекрасной песней весенних дней.

5. 3. 44.

Любовь Атланта.

Я, кулаком расшибающий паровозу,
Как гриб давящий ногой небоскрёб,
Телеграфные столбы ломающий,
Как спички между пальцев.
Я, могущий рукой размаха вредноуй
И в порошок истереть Араратскую гору;
Я, на ладони которого
Разместились бесчисленные города и сёла,
На моей голове
Блестит незаходящее солнце
И луна вертится около пальца.
Одним щелчком я могу бросить луну
В бездну вселенной
И одним мановеньем руки
Изменить движенье галактик.
Что мне до пяти светил,
Наполняющих космос?
Одного дуновения моего достаточно,
Чтобы все звезды
Обратились в жемчужную соль.
Да! Мой хлеб и похлёбка
Посолены этой солью вселенной.

Я ли не самый великий
Изо всех существ,
Населяющих космос?
Мне ль тягаться веками,
От которых не седеет

Ни один волос головы моей?
Мне ли мечтать о богатстве,
Когда золото звезд
Покрывает мой плащ и одежду?
Мне ль восторгаться красотой,
Когда Солнце,
Самый великий художник
Сияет от счастья,
Поддерживая мою корону!
Мне ль поклоняться гениям,
Когда сам я создал
Самых гениальных существ,
Даже бога!
Мне ли мечть
От нежных мелодий,
Когда звезды
Для меня играют на арфе,
Звучной арфе миров!
Мне ль читать книги,
Когда сам я написал
Чудовищную книгу вселенной!
Мне ли петь песни и слагать стихи,
Мне,
Под ритм голоса которого
Стройными вереницами
Движутся миры!
Мне ли....

. . . . . ∞ . . . . . .

Наступила весна
Великая Весна вселенной,

Когда родятся планеты и звезды,
Когда сплетаются в одно целое
Миры и галактики,
Когда из Тумана космоса
Они выходят новыми и блещущими
Всеми цветами радости.
О великая Весна вселенной,
Время пробудившейся любви!
И я, не ведавший бурных восторгов,
Равнодушно смотревший
Картины столетий,
Не знавший ничьей власти над собой
Я полюбил голубую девушку—

И сразу все изменилось.
С тех пор я считаю
Каждую минуту, проведенную с Ней
И мысли о Ней
Заношу на скрижали веков,
Для нее собираю все золото мира
И нижу нити
Прекрасных жемчужин — звёзд.
Я готов без конца восторгаться
Ее красотою
И от каждой улыбки ее
Смеяться так,
Что попадают звезды
И миры завертятся в бешеном
пляске.
Каждое слово
Моей голубой красавицы

Я готов бесконечно писать на небе
Пламенем души моей необъятной.
Каждый звук ее речи—
Прекраснейшая музыка мира,
Каждое движение—
Верх грации и красоты.
Я бесконечно читаю
Книгу лица ее
И не могу начитаться—
Прекрасная книга! Мне ли
Судить об этой рукописи—
Я могу лишь петь
Бесконечные гимны,
Подражая
Неповторимым словам
Этой книги великой.
Как я мог говорить,
Что всеведущ мой ум,
Что постиг я все тайны природы!
Невежда!—
Я и не знал,
Что существует Любовь—
Мудрость, которая правит мирами,
Сила, созидающая всё,
Вера, которой живут
Люди, планеты и звезды,
Надежда погасших светил
И погибших существ.
О великая сила любви!

Я благословляю тебя во веки веков!

Зачем мне сила и богатство,
Ум, сердце и власть,
Зачем мне звезды и небо,
Если не будет у меня любимой!

Лишь для любимой
Заставлю сиять
Огонь полярных ночей,
Лишь для нее
Устраиваю фейерверк комет и солнце
Одеваю в золотую корону,
Лишь для нее
Звезды
Опоясали мир
Блещущей нитью млечного пути
Лишь для нее...

Милая! Пусть рухнут миры,
Лишь тебя сохраню на груди своей,
Лишь тебе отдам свое бессмертие,
Моя голубая красавица,
Моя прекрасная Земля!

* * *

ПОТОМОК. /мечтатель/

Я уйду от серых зданий,
От усталости и бед,
В поле сказок и преданий,
В азиатский, буйный свет.

В этом поле, в этой дали,
В шуме звонких, сочных трав
Прапрадед, лихой татарин
Завещал мне буйный нрав.

Ничего, что мал я ростом,
Что здоровьем хил и вял—
В этих травах, в этих верстах
Он мне силу завещал!

Полюблю я больше славы
~~Блеск сверкающих забрал,~~
Ветра свист, густые травы,
Вихри диких лошадей,

И нескладных песен звоны,
И кинжалов блестящих сталь,
И татарские знамена,
И степей зеленых даль.

Перед битвой я по обычаю
Прилечу на скакуне,
В синей дали не устану
Лихо мчаться на коне.

Крик осенних журавлей

Ворон пусть зловещим карком
Смерть пророчит мне в бою—
Косоглазую татарку
Больше жизни полюблю!

Закипела удалая
Кровь татарская в груди,
Радость вольности хмельная
Разметалась по степи.

Эй, зеленые просторы,
Дали некошенных полей,
Братья дедов, реки, горы,
Блеск костров во тьме ночей!

Сын пришел! Встречайте сына
Шумом звонких, сочных трав—
В этом запахе полынном
Я нашел свой буйный нрав!

27-31.3.44.

Потомок войны.

Да! Я проклял отца и мать,
День рожденья забыл и год.
Никогда не смогу вспоминать
Свою землю и свой народ.-

Нет земли и народа — нет,
Я не знаю, зачем я и чей,
Почему столько горя и бед
Принесло мне скопище дней?!

Меня гонит от дома старик,
Дети в страхе бегут от меня —
Только камни и грубый крик,
Да чужая страна и земля.

Я спросил у людей: „Зачем
Всюду травят меня и бьют?
Разве жизнь моя ад и плен?
Я не мог жить, как все живут?

„Почему без семьи я, один
И в чужой, холодной стране,
Ведь я был же чей-нибудь сын?
Ведь я жил на родной земле?

Мне ответили: „Нет, никогда
Ты не жил на родной земле,

Твой отец был немецкий солдат,
Ничего он не знал о семье.

Он пришел под железный гром,
По земле нашей стал гулять.
Точно сука за тем двором
С ним твоя целовалась мать.

Нам не нужно тебя — уйди,
Ты напомнил войны и страх,
Сердце зверя в твоей груди,
Дым пожаров в твоих глазах.

Тогда проклял отца я и мать,
День рожденья забыл и год.
Счастья нет для меня вспоминать
Свою землю и свой народ!

14.4.44

Потомок песни.

По дороге, дальней и весёлой,
Потеряв начало и конец,
Я бреду по старым русским сёлам,
Вечный странник, инок и певец.

За плечами гусли-самозвоны,
Золотые лапти на ногах.
Мне, как другу, каркают вороны
И цветы смеются на лугах.

Синий ветер, добрый и весенний,
Шепчет старой иве над водой,
Что домой идет Сергей Есенин,
Тихий отрок, скромный и простой.

Засвистали птахи в перелесках,
Заливала рожь и васильки;
Золотым, приветствующим блеском
Засияло зеркало реки.

Подойду к родимой старой иве
И, окинув взором милый край,
Всем скажу, что по рязанской ниве
Не Сергей идет, а Николай.

15. 4. 44.

Ветка клёна.

/посвящается М. Я./

Знакомый старый путь
он вечно нов...
/Д. Лондон./

Я проснулся и вспомнить хотел,
Почему голова охмелена,
Но не мог. Ветерок шелестел
Увядающей веточкой клёна.

И я вспомнил, что слабой рукой
Укрепил ее утром меж брёвен.
Грудь полна небывалой тоской,
Лист прошедшею ночью напоен

1.

Мы подняли свой мутный стакан
За ушедшие школьные годы.
Этот вечер раз в жизни лишь дан —
Мы прощаться пришли в эти своды

Как и всех, нас разделит судьба,
Позабудутся пьяные тосты —
Этих стен не забыть никогда,
Несмотря ни на годы, ни версты.

2.

За столом, в тусклом свете огней,
Все вижу фигуры и тени.
Кто-то просит: „Эй, Колька, налей!"
Кто-то льет мне вино на колени...

Мы на стуле уселись вдвоем,
Вместе пьем, а за что и не знаем
Что-то нежное в сердце моем
Ты открыла улыбкой, глазами...

Не любовь, не волненье, не бред,
А другое — не знаю названья,
Может образы минувших лет
Может книг или песен преданья,

Может детство таилось в тебе,
Может сказка... забытая сказка...
Ведь для каждого в нашей судьбе
Есть прошедшего тихая ласка.
. . . . . .

Не загаснешь ты в душе моей —
Я пошел с недопитым стаканом.
Почему-то сказал: „Я люблю" —
Ты не смыслила в говоре пьяном.

Я искал тебя долго во тьме,
Находил и терял, и терялся —
Ты мелькала в кружащемся сне
И с тобою над кем-то смеялся...

Может быть надо мной этот смех,
Над большим, неуклюжим и пьяным —
Веселиться и плакать — не грех,
Расплескавши вино по стаканам.

Я пошел к голубому окну,
Где луна поднималась над полем,
Не сдержал пьяной груди волну
И заплакал над русским приволем,

И над юностью, канувшей в мрак
Этой ночи, прощальной и лунной —
Все смеялись, что Колька чудак,
Взять лишнего в радости шумной.

Кто-то вербку от клёна мне дал,
Кто-то волосы гладил рукою,
Кто-то на ухо тихо шептал,
Чтоб закрылся я вялой любовью.

Плачу — грудь невозвратным полна,
В листья капают слезы... слезинки.
Лучше юности — нету вина,
Лучше слез — сожаленья не сыщешь!

3.

Ты сказала сквозь срубленный клен,
Что мы встретимся летом в столице,
У большого театра, под звон
Заплутавшихся листьев. И снится

Мне мой город, большой и родной,
Площадь. Сквер. У афиши богатой
Соберемся мы веселой толпой...
Мирный год девятьсот пятьдесятый.

Верю! Каждый веселым придет —
Нет несчастных, где молодость блещет.
Верю! Каждый лишь радость несет,
В каждом вера и мужество блещет!

4.

Да прошла невозвратная ночь,
Быстро, будто и не было мрака.
Мне и плакать уж больше невмочь.
Скрылся месяц, усталый гуляка.

Вот мы все на поляне лесной —
Хмель прошел и уж мне неудобно
Говорить под росистой листвой
Так свободно и пьяно-беззлобно

Я тебя не ищу, не зову,
Лишь гляжу, вспоминаю о чем-то,
Как и все, наблюдаю зарю,
Красный диск, тихий край
горизонта.

Новый день! Досвиданья, друзья!
И прощай, пролетевшая юность!
Под луной больше плакать нельзя —
Что-то новое в сердце проснулось.

Эту ночь не вернуть никогда.
Мы с новым днем наша жизнь
устремлена.
В жизни будущей — только мечта,
А от старой — лишь веточка клена.

14.6.44.

Вера в победу.

Чувства, прекраснее веры в
победу — нет!
Жег Человека
без веры в победу!
Друг мой,
Найди ее в горестях, в трудностях
лет,
Если найдешь, /чудесному/
смело иди по ~~прекрасному~~ следу.
Помни,
что веру в победу найти нелегко —
Трудности ждут —
их много,
их нужно осилить.
Пусть будет трудно
и вера пускай далеко —
Ты ее ищешь!
Найдешь!
И сумеешь
В сердце, как влагу священную
вылить.

Друг мой,
ищи ее долго, ищи неустанно;
Будут невзгоды, будет отчаянье,
будет неверье

В поисках пусть обойдешь
непонятные чужие страны —
В поисках,
только в исканьи
веры в победу преддверье!

Поиски — это бессонные ночи,
бескрайние думы,
Поиски — труд, в поисках —
муки скитанья,
В поисках — радость и мудрость,
тоска и печали.

Веры в победу не будет,
если не будет исканья!

16.7.44. Москва.

Облака.

1

Война, да осень за окном,
Луна, да ветер в час полночный.
Россия, родина кругом,
Шаг жизни русской неумолчный.

Мятутся тени облаков,
Скрывают реки и деревни —
Ведь так же под плащом веков
Менялся лик России древней.

То ясный день и мир, и тишь,
Вдруг буря солнце заслонила,

Донской ломается камыш
Под половецкой дикой силой

И дым пожаров над землей
уносит радости и жизни...
Промчится дым — и вновь покой,
Лишь больше ран на вражьей тризне.

Звенят серпы. Скрипят рожь,
Но в тихий день, во имя мира,
На каждый иноземный нож
В России точится секира!

2.

И снова тучи за окном,
И снова ветер с поля боя,
И все, как прежде, там, где гром —
Я слышу тишину покоя.

И в тот час, когда дожди,
Смешавшись с ветром, с лунным светом
Слова несчастья и вражды
Пускай мне кажутся приветом.

И Русь, в обломках городов,
До боли каждому родная
На миг из крови и оков
Восстанет, будущим сверкая!

И чтобы мир продлить века,
Как ветошину об иноземцев,
Народа гневная рука
Освободит страну от немцев!

Пускай же осень за окном,
Пусть ветры дуют злые, злые...
Мне радостно: смотри — кругом
Освобождённая Россия!

4.8.44. Мосолово

* * *

Флегматичная кошка
в старом дедовском доме,
Безучастно-покорная, вечно
голодная кошка.
Все ее бьют и шпыняют —
все ее кормят.
Откуда пришла и зачем?
Я, как и все, даю ей щелчки
и жалею —
Сам ведь пришел и кормлюсь
пищей чужой...
И каждый вечер, ветряный
вечер осенний,
Когда по радио диктор о хлебе и войне,
Приходит брат,
Закутанный, голодный мальчишка.
Робко подходит он к бабке и просит:
„Бабка, дай хлебца." И та,
Отвечая, что хлеба нет у самих,
Ломоть отрезает широкий.
И братик
Идет в осенний, вихрящийся ветер,

Бедный и жалкий мой брат!
И каждый раз я пророчу ему,
Что он будет похож,
Таким же, как Горький.
И весь от бревен избы
Чем-то по-русски широким,
Хотя в углах притаилась жадность.

7.8.44. Мосолово.

Деревня.

Извечно будет здесь покой,
И будет дом стоять извечно,
И плакать ива над водой
Не перестанет бесконечно.

В покое серебристых небес
Пройдут года, за летом лето,
Но не изменит шумя лес
И поле не изменит цвета.

И, оглушенный тишиной, —
Не знаю, плакать, или смеяться —
Под этой кровлей полевой
Мне городские шумы снятся...

30.4.44. Мосолово.

Девушке.

Я кажусь тебе иноком
В черной коже пальто,
Только можно ли верить мне? —
Ты не знаешь о том

И серебряным вечером
При осенней луне
Откровенье нежданное
Ты поведаешь мне.

И кому же еще понять,
Дорогая, тебя!
Тим вечером праздничным,
После долгого дня!

Только игу тебе, девушка,
Назвав другом своим —
Ты, скорей, моя милая
В тонком свете луны

И не скрою я этого,
Хоть и в чёрном одет,
Хоть и вогнижу иноком,
Непонятный пожт.

18.8.44. Москолово.

Ч.Л. послов. 1) Моя война 2) Моя песня 3) Деревня 4) Девушка.

Mädchenlieder
weiß — знать.
Jungen — юноша.
dürfen — сметь.
Ihnen — мочь.
mögen — желать.
müssen — долж.
lassen — мелать.